

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

"СПАСЕНИЕ"

ИВАН ГРОМОВ

ГОСПОДЬ ЗАСТУПИТ МЯ

Иван Громов

Спасение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63494137
SelfPub; 2020*

Аннотация

Сборник рассказов начинающего беллетриста Ивана Шишлянникова (Громова). В 2020 году он был номинирован на премию "писатель года 2020" в разделе "дебют". Героям сборника нужно доказать величие души человеческой. И в этом нам всем помогут истории. Да-да, простые истории, что смогут наделить душу магической силой Слова. Каждый отзыв читателей поспособствует развитию творческого пути начинающего автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

«Протест»	5
«Тепло тел наших»	16
«Дружба»	24
«Зомби»	31
«Пережить»	38
«Наперегонки»	49
«Уборка»	55
«Фарш»	61
«Случайные акты любви»	64
«Месяки»	70

Иван Громов

Спасение

«Посвящается Ксени, той самой. Свети путеводной звездой и впредь».

«Протест»

Я уже не помню, как тогда заболел.

Но я точно знаю, что болезнь забрала у меня самое дорогое – мою жизнь.

У меня кроме неё ничего не было. В мире я был совершенно один. Так что помочь мне с моим недугом было никому.

Я пришёл в этот мир сиротой. И этими словами я не пытаюсь выдать из вас жалость. Она мне не нужна.

Меня бросили в роддоме по неведомым мне причинам. Да и какая уже разница? Жизнь наладилась со временем. С трудом, но мои знакомые из детского дома выбили мне маленькую квартирку. И с тех пор я живу в ней, получая небольшое пособие от органов опеки.

Не сочтите меня иждивенцем. Пытался я и работать, но большая часть людей смотрела сквозь меня. Так, будто я был каким-то призраком. Хотя у нас с этими людьми одна плоть, одна кровь, одни кости. Но в мире это перестало иметь какое-либо значение. Мы все равны на словах. Но на деле жизнь проявляется не так, как хотелось бы.

И вот я шуршал на разных стройках, искал шабашки в качестве грузчика, где-то помогал с уборкой. Большую часть времени я выживал, но и в такой жизни были свои светлые моменты.

И вот я как-то заболел.

Болезнь слилась со мной на стройке. Мне тогда показалось, что чувства мои обострились. Предметы стали яркими и резкими. Даже самый незначительный звук эхом отражался в моей голове.

Меня мутило, а бригадир пытался мне что-то объяснить. Он смотрел сквозь меня, как и многие другие люди.

Все его слова я пропустил мимо ушей. В тот момент я понял, что сейчас на него упадёт кирпич.

С безумным видом я оттолкнул его плечом в сторону. Строительный блок упал за нашими спинами. – Уф! – Я пытаюсь отдышаться. Трагедии удалось избежать.

Бригадир посмотрел на меня, затушил свою сигарету об землю ботинком и сказал – слышь, чо бодаешься? И пошёл дальше. Как ни в чём не бывало.

С того дня мир утратил свою цельность. Я шёл домой по бумажным улицам, пытаюсь отыскать в этом мыльном мире свой дом. Казалось, что здания сделаны из картона. Тогда мне подумалось, что я перестал быть частью этого мира. И мир теперь тоже меня избегает. Как и все вокруг.

Пару дней я находился дома, силясь разобраться в своих чувствах. У меня не было книг. Только небольшой телевизор с дешёвой приставкой. И все дни я смотрел его, пытаюсь снова собрать мир по кускам. Узнать что-то о своём состоянии.

И в один из дней мне стало хуже.

Теперь я понял, что вещи вокруг обретают голоса. Из кра-

на закапали утробные звуки. Лампочка затрещала, пытаюсь меня оскорбить.

К голосу диктора на экране примешались какие-то гулкие и нечленораздельные выкрики. Спать стало тяжело. Я задыхался и просыпался по несколько раз за ночь. Тогда я для себя решил, что пора идти в больницу.

В больнице впервые на меня уставились десятки глаз. И мне стало неловко. Я сел на край лавочки, стараясь не подавать виду и начал ждать своей очереди. Что-то было не так. Люди замечали меня. Они разделяли со мной чувство единства. Тоже пытались заявить о себе. Отвоевать свой клочок жизни. Все эти старушки и деды, мужчины и женщины среднего возраста, матери и дети. Все те, кто не мог позволить себе платную медицину. Все те, кто хотел жить.

– Молодой человек, проходите так, без очереди – сказала мне какая-то рыжая женщина. Она была неестественно бледна. Однако, меня удивило не это. А контраст – между бледной кожей и ярко-красным сердцем в её груди. Настоящий человек. Живой.

Я зашёл в кабинет, осознавая, что теперь другие люди начали замечать мою болезнь. Плохо было дело, раз меня готовы были пропустить без очереди.

Не кабинет, а вместилище для карточек, бумаг, бланков. Терапевт даже не подняла свои глаза от документов. Она увлечённо что-то заполняла в формуляре. Почесала свой тонкий нос и буркнула – слушаю.

И я объяснил ей всё то, что со мной происходило в эти дни. Странные чувства, назойливые голоса, испорченный сон. А терапевт только гымкала себе под нос, продолжая заполнять отчёты.

Наконец она посмотрела на меня и почесала ручкой висок – так вам не ко мне, вам вот по этому адресу нужно, к врачу-психиатру. Она сунула мне бумажку с контактами этого места и сказала, чтобы я закруглялся. – Следующий! Становилось тяжело перемещаться по улицам. Пространство города начинало на меня давить, силилось сломать мои кости. Мне было неудобно в своём теле. Я слышал, как бьётся моё сердце. Как бежит кровь по венам. От этого меня обволакивало холодным потом.

В психоневрологическом диспансере всё было иначе. Люди снова перестали меня замечать. Хотя я видел, что каждому из них нужна помощь специалиста. Они болели, как и я.

Кто-то обхватил свои колени и мычал. Кто озирался по сторонам и постоянно крестился. Один мужчина встал у стены, уставив свой взгляд в пустой угол. Всё это время он смотрел туда, словно там показывали какое-то шоу.

Было понятно, что тут никому до нас нет дела. Больница жила по своим правилам.

Врачи и санитары проходили мимо, не замечая контуров наших тел. Всё вокруг было холодное. Стены, люди, больничные плакаты. В этой ледяной пустыне можно было сгнить навсегда.

– Да всем плевать на тя! – сказал мне какой-то тощий парень, вышедший из дверей туалета. Потом он захохотал на весь коридор и умчался куда-то в сторону. Два санитара побежали за ним следом.

Время не имело значения. Я уже ничего не ждал. Но пришла и моя очередь. Зашёл в кабинет. Пытался согреть себя, потирая руками бока.

Врач в сером свитере с красными звёздочками и в тонких очках посмотрел на меня. Проверил мои рефлексy, послушал мою речь, попросил рассказать поподробнее про все симптомы.

Сначала показалось, что ему до меня есть дело. Вот настолько хорошо он обходился со мной. Обдумывал каждую мою фразу. Интересовался мной.

Но потом всё изменилось, и он перешёл на официальный язык. Мёртвый язык зазвучал из его уст. Смешивая медицинские термины с уловками журналистов.

Я и ранее такое видел, когда пытался получить квартиру. И каждый день эта безжизненную речь звучала по телевизору. Речь человека, которому всё равно на тебя и на твою жизнь. Ему хочется избавиться от тебя, но он старается послать тебя помягче. А потому выстраивает защитный каркас из мусорных слов, которые не несут никакого смысла.

Всё свелось к тому, что у них нет для меня места в больнице. И он мне может предложить только амбулаторное лечение. Мне будет нужно приходить и забирать необходимые

таблетки. Пить их и следить за своим состоянием.

– Мы о вас обязательно позаботимся – говорил он мне, выписывая очередной адрес какой-то конторы. – Но для начала вам нужно съездить вот сюда – его ручка обвела овалом название улицы и дом. – Только так мы сможем назначить вам всё необходимое. После этого я пошёл домой.

Помню, что тогда мне стало хуже. Болезнь разгоралась всё ярче. Моя голова стала вместилищем для мигрени и прочих болей.

Тени в доме начинали обретать форму, становились всё объёмнее и объёмнее. Они начали говорить со мной – жалкое ничтожество, ты должен себя убить!

Целая стая теней кружила вокруг меня в тот вечер. Я включил свет по всей квартире и решил спать с фонариком. Но вместо сна я был вынужден довольствоваться какими-то обрывками галлюцинаторных видений. В них я падал, попадал под машину, умирал от удара ножа.

Утром я поехал по нужному адресу, пытаюсь взять себя в руки.

Оказалось, что мне необходимо было пройти медицинскую комиссию. Консилиум врачей должен был подтвердить у меня наличие заболевания. Их подписи и бумаги открыли бы мне дорогу к выздоровлению. Оставалось только дать своё согласие и ждать

Мне было страшно находиться в своём доме одному. Весь тогдашний вечер я провёл в круглосуточном супермаркете.

Удивительное дело, оказалось, что охранник замечает меня. И воспринимает как живого человека.

Он не совсем понял мою историю про говорящие тени. Хмыкнул и решил научить меня нескольким приёмам из вольной борьбы. – Если что, то давай отпор – говорил он мне. – А потом беги – улыбка заиграла на его морщинистом лице. – Мы же не в героев играем, верно?

Утром я пошёл за своими бумагами и понял, что мне становится хуже.

Мир утратил все краски и цвета, теперь я воспринимал всё через призму чёрно-белого фильтра. А ещё изменился вкус времени – оно стало медленное и вязкое. Самое страшное было в том, что у всего вокруг прорезались голоса.

И они говорили мне – умри, жалкое животное! Скрипучий голос улиц впивался в мой мозг и восклицал – ты тут никому не нужен, так найди же в себе силы сдохнуть!

Врачи из комитета выдали мне документы и улыбнулись. – Ну вот, вам осталось совсем немного. Поставить печати, получить подпись главного врача, а потом вот обратиться по этому адресу. Очередная бумажка приземлилась в мои руки.

Они улыбались мне. Но им не было до меня дела. Плевать они хотели на меня и на мою жизнь. Врачи, чиновники, бумажные чудища, демоны из формуляров, оживший бюрократический язык – теперь моя жизнь находилась в их руках.

В тот момент я понял, что от болезни уже никуда не деть-

ся. Вокруг был слышен только хор проклятий в мой адрес. Силы бороться у меня практически иссякли. Я пошёл домой, пытаюсь отыскать там тишину.

Моё замученное отражение смотрело на меня из зеркала и заискивало со мной – ты должен себя убить, друг. Сейчас это единственный выход. Отражение оскалило свои зубы.

Тогда я разгромил всё в своей квартире, оставив после себя полнейший кавардак. Мысли мои путались, мышцы слушались с трудом, меня накрыла волна безразличия ко всему.

На кухне я взял зажигалку и положил её в полиэтиленовый пакет. У соседа, что нещадно пил, я попросил канистру с бензином. Ему было настолько хорошо в тот момент, что он отдал мне её без всяких вопросов.

Послав мне воздушный поцелуй перед тем, как закрыть передо мной дверь.

С канистрой бензина я направился в сторону диспансера. Гул голосов всё нарастал. Облака почти не двигались. Люди сливались с серым асфальтом. В мире для меня больше ничего не осталось. И я теперь был утерян для мира. Я ведь заболел. Сильно-сильно.

Встал перед входом в диспансер и начал обливать себя бензином. Облился им с головы до ног. Делал я это аккуратно, так, чтобы не намочить руки.

Всем вокруг было всё равно. Складывалось ощущение, что меня попросту не замечают. Что нет ничего удивительного в человеке, который обливает себя бензином на глазах

у всех.

Я отставил канистру в сторону и осторожно достал зажигалку из пакетика. Поднёс её к своему телу и умиротворённо чиркнул колёсиком. –ЧИРК-

Моё тело начало гореть. Ярким пламенем огонь обвил мой остов. Начал пожирать мою одежду, превращать в угольки мою плоть. Чёрная копоть окутала мой силуэт, оставила чёрный нагар на асфальте. Всё вокруг зашевелилось.

Горел я недолго на самом-то деле. Да и не чувствовал в тот момент ничего. Только глядел, как все вокруг суетятся и кричат. Мне показалось, что они наконец меня заметили. На время краски вернулись в мой мир. А потом всё погасло. Погас и я.

Много шуму я тогда наделал. Вызвал всеобщее негодование. Попал в новости. Стал героем социальных сетей. Люди репостили новостную запись обо мне в разные группы.

Интернет на время был похож на мозаику, состоящую из подобных заголовков: «больной человек не получил лекарства и был вынужден себя сжечь», «человек совершил протест с помощью акта самосожжения», «страдающий от шизофрении юноша совершил самоубийство в состоянии психоза».

Тогда ещё по новостям показывали местного чиновника, который протирал свой мокрый лоб платочком и тараторил – возмутительно! – было видно, что весь он состоит из фальши. Его неуверенный голос заявлял с экранов – если бы я

прознал про это нарушение прав человека раньше, то никакой трагедии бы не случилось.

Вот так все и говорили про меня пару дней. Причитали, жалели меня, крепче обнимали своих родных и близких. В больнице обещали провести какие-то реформы.

Решили создать программу поддержки для малоимущих и детей сирот. Но мне до этого не было никакого дела. Я ведь сторел, помните?

Для меня после моего бесцветного существования всё показалось насыщенным и ярким. Повсюду тёплые цвета. Приятный белый шум. Я озирался, но ничего не видел по сторонам, только скопления густых облаков. И много-много белого цвета.

Времени здесь не существовало. Я понял, что больше не болею. Что мне теперь легко.

Вспоминаю, как услышал тогда громкий голос. Он сказал мне – пойдём! Я сразу понял, что этот голос принадлежит существу властному и уверенному в своих силах.

Он звучал иначе, в отличие от голоса того чиновника с платочком. Было понятно, что у этого голоса действительно есть безграничная власть.

В момент этих размышлений голос прозвучал ещё громче – пойдём!

И я пошёл искать его источник. Меня тогда больше всего удивило, что в этом месте не было никаких очередей, бумажных гор, бесконечных формуляров и бланков. И никаких

бумажек с адресами.

Там не было ничего такого. Всё было какое-то другое...
Человечное что ли.

«Тепло тел наших»

– Ну их к чёрту – бубнила я себе под нос. Снова и снова. – Надоели! – театрально притопнула ногой по земле. – Сплошные запреты и глупые нравоучения. Делай то, не делай это – я снова насупилась. – И в церковь свою пусть сами идут. Мне и без них есть чем заняться.

Мороз кусал мои щёки. Снежинки искрились на синем пуховике. Зиму было за что любить. И я её любила.

Сосульки, обжигающие язык. Нелепые снеговики, разваливающиеся от одного удара кулаком. Холодное железо качелей.

А чего и говорить про лёд? На льду было лучше всего. Вставать в центр замёрзшей речки и смотреть по сторонам. Чувствовать себя важной, особенной. Вам такое знакомо?

Я шла к речке. О моих планах я никому и никогда не сообщала. Лишний раз слушать от бабушки разные присказки я не хотела. – А вот Колька у нас... – начинала она свои занудные речи. – А Витька вообще провалился, с трудом достали тогда из воды. Я лишь кивала головой. Мир взрослых казался мне старым чуланом. Сборище тряпок, выцветших картин, уж никому не нужных игрушек.

Жить в рамках от телевизора, прячась за пожёванной газетой – такой мне казалась взрослая жизнь. А жизнь она не такая. Вот в книгах Достоевского жизнь! Бьёт ключом, об-

жигает, заставляет нервно перелистывать страницы.

– Ну их к чёрту! – всё повторяла я свои слова. До речки оставалось всего ничего. Ночью холод объял наш городок. Лёд уже должен был встать. Мне хотелось в это верить.

Даже здесь стояла какая-то церквушка. Много их рассыпано по городу. И на нашем районе парочку можно насчитать. Обычно я стараюсь их не замечать, но сегодня маленький храм выглядел как-то неестественно. Никого не было, только уборщик, что жёг листья и прочий мусор в железной бочке.

Может это запах дыма так на меня повлиял? Церковь и церковь, ничего в ней особенного нет. Странно, что народу не видно. А так – скукотища.

Тут уборщик повернулся ко мне и улыбнулся. На нём была тонкая и заношенная коричневая куртка, ноги обхватили зелёные рабочие штаны.

Он махал мне рукой и улыбался своим бородатым лицом. Его светлые волосы горели на солнце. Этот человек показался мне странным. Может и не уборщик это, не знаю. Поди священник переделся в рабочую одежду и воркует тут сам с собой.

Я пошла дальше, мне уже хотелось почувствовать свою отрешённость от мира. Стать границей между небом и землей. Странником в безбрежных землях. –Пфф-

Издавала протяжный вздох своими губами. – Всюду они, покоя никакого не дождёшься – причитала я сама с собой. На

обратном пути обойду этот храм стороной.

В моём кармане грелся коробок спичек. Мне тоже захотелось потом поискать картон или сухие пачки от сигарет. Устроить небольшое кострище за домом. Там всё равно никого нет. Холод и огонь, синее и красное – что может быть лучше в день зимних каникул? Игра цветов, борьба плюса и минуса, противостояние двух стихий.

Наконец спустилась на лёд и почапала по нему. –Скр- Лёд хрустел под моими ногами. Мысли уносили меня на страницы произведений Пушкина, навевали что-то из Баратынского:

«Легла волнистыми коврами
Среди полей вокруг холмов.
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою»;

Я шла по льду, не смотря под ноги. –СКР- Забыв про мир вокруг себя. Хотелось немного помечтать, подумать о своём месте в мире. –СКР- О природе. –СКР! -

А потом я провалилась под лёд.

Синее и красное – синяя кромка льда и краснеющее в холодной воде тело. Я не могла выбраться на льдину сама. Руки скользили, одежда тянула вниз, тело начинало коченеть.

«Блеснул мороз, и рады мы
Проказам матушки-зимы».

В голове уже ничего не осталось, как и в моём теле. Ни мыслей, ни тепла, ни сил. Я барахталась руками в наледи,

постепенно теряя сознание.

– Веришь мне? – мою правую руку кто-то схватил. – Тогда держись! – человек стоял на воде и тянул меня в свою сторону. У него была крепкая хватка, а на ногах были зелёные рабочие штаны. Больше я ничего не запомнила. Красный цвет застилал мне глаза. Я не понимала, что происходит. Ощущение собственного тела пропало. Глаза не могли ориентироваться в винегрете из красных и чёрных мазков. – Чирк- Тепло начало заполнять собой окружающее пространство.

Я увидела группу мальчишек, которые столпились вокруг своего товарища. Он дёргался и извивался у их ног. Из его рта шла пена и дорожка слюны. – Он типа демон! – говорили они друг другу. – Надо сваливать – предложил самый старший из них.

– Он не демон – произнёс тот самый уборщик, что жёт мусор на территории храма. – Просто ему плохо – он нежно повернул его голову на бок и начал ждть. Судороги прекратились. Бородатый человек снова заулыбался, его волосы поглощали солнечные лучи. Голова из-за этого светилась ярко-ярко. – Пойдём, я отведу тебя к маме – сказал он, протягивая запуганному ребёнку руку.

– Веришь мне?

Красный цвет продолжал давить на меня. Я не понимала, что это за чувство. Где я? Что со мной? – Чирк- Мне стало теплее. Тепло осыпало поцелуями моё замёрзшее тело.

В храме было тепло. Солнце освещало иконы, золотисты-

ми лучами струилось в комнату. Игра света и тени завораживала. Я видела рой пылинок, ощущала степенный ход минутной стрелки.

Бородатый человек мыл чан из-под святой воды. Что-то напевал себе под нос. Выглядел он очень счастливым и знакомым. Где я раньше его видела?

В комнату ворвался поток холодного воздуха. Это старушка вошла в храм. Руки дрожали, но уверенно сжимали горлышко пластиковой бутылки. – Милок, а святая вода закончилась? – жалобно протянула она.

– Не поможешь бабушке? – свободной рукой она показала на своё сердце.

– Барахлит совсем, а с божьей помощью глядишь заработает – протараторила она. – Я водички выпью и помолюсь, оно сразу и легче делается – бабушка села прямо на то место, откуда за всей картиной наблюдала я. Тело её прошло сквозь моё. А я даже и не придавала этому значения.

– Как не помочь-то! – взбодрился бородатый человек. Из-под полы своей куртки он достал бутылку чего-то. – Вот, кагор – протянул он бутылку ей. – Освящённый – он снова заулыбался и заискрился жёлтым светом. Казалось, что он магнит для лучей солнца.

– Ты только пей понемногу – продолжил он. – И молись, воздастся тебе по вере твоей. Бабушка неловким движением приняла бутылку кагора. Какое-то время она не могла подобрать слова и от этого замешкалась. Мужчина улыбнулся

ещё ярче.

– Веришь мне?

Всё стало голубым. Словно небо свалилось на меня. Стало мной.

Я очнулась в служебном помещении. Оно состояло из синего цвета. Горела новогодняя гирлянда. Вокруг меня стояло несколько столов, лежали старые ковры, какая-то посуда. Мне устроили ложе возле металлической бочки. Возможно у той самой, в которой давеча жгли мусор. От неё шли остатки тепла. Но в комнате никого не было.

Возле неё лежал мой коробок спичек, но в нём уже было пусто. Я взяла его в руки. – Странно, сухой – только и вымолвила я.

Это он меня спас. Тот человек, что махал мне рукой. И не обиделся ведь на моё грубое поведение. Но где он? Я сидела и размышляла.

Всё казалось каким-то нереальным, сказочным. И спички как-то высохли, да и сама я была сухая. В голове крутились сплошные вопросы. Сколько прошло времени? Что это были за видения?

Может я просто потеряла сознание и мне всё причудилось? Может так и было. А этот человек меня подобрал и уложил на время в эту каморку.

Решила встать и во всём разобраться. На душе было тепло, по телу разливалось приятное чувство защищённости. Странные ощущения. Будто кто-то коснулся твоего сердца и

зажѐг его. А оно после этого заработало на полную катушку.

Территория храма всё так же пустовала. Никого не было, только за воротами кто-то стоял. Наверное, он – решила я – и зашагала в сторону человеческой фигуры.

Это был не он.

У ворот стоял совсем другой человек. Он тоже был в рабочей одежде. И борода у него была, и светлые волосы. Но это точно не он. Я смотрела на него несколько минут и думала, что же это за странное чувство?

– Ищешь кого-то? – улыбнулся он мне. Меня будто током ударило. – Нет, простите, обозналась – ответила я ему. – Вы не знаете, кто спас меня на льду? Он вроде тоже у вас работает, здесь.

– Нет, не знаю – пожал он плечами. – Да и не было тут сегодня никого, только я. Может тебе показалось что-то? Я замотала головой. Мы постояли с минуту молча.

– Я, конечно, тебе не смогу помочь, но и у меня для тебя кое-что есть. Из своей куртки он достал какой-то свёрток. Это оказался пирожок.

– С рыбой – улыбнулся он. – Счастливого Рождества! – его руки осторожно поправили шапку на моей голове.

А потом он направился в сторону храма, открыл дверь и скрылся за ней. С креста вверх вспорхнул голубь. Белый.

Я так и стояла, не понимая в чём дело. День расплывался перед глазами чредой из ярких образов. Смесь эмоций, чувств, привкуса жизни.

Синее небо и красные отсветы солнца на куполах. Я откусила кусок пирожка и пошла домой, так и не поняв до конца, что же со мной приключилось.

Но с тех пор моя жизнь стала немного другой. Мне начало казаться, что в этом мире я не одна. Что я уже была раньше и буду теперь всегда. Что со смертью это всё не закончится.

– Веришь мне?

«Дружба»

В воздухе стоял запах пота. Полупустое помещение напоминало одну из тех безликих квартир, что так умело плодят застройщики. Но нет – это была служебная постройка, принадлежащая Церкви. Собору Святой Богородицы.

Со своего лба я стёр рукой пот. Всё-таки не лучшая была идея, стоило снять верхнюю одежду перед началом работы. А я поддался зову плоти. Тогда казалось, что я и дальше буду зябнуть от холода. Где-то в углу тихо ворчал обогреватель. Струя тёплого воздуха слабо грела пустующее помещение. С обогревом лучше всего справлялись человеческие тела. Особенно если они были заняты физическим трудом.

Я посмотрел на время в телефоне. Было уже довольно поздно. –БАЦ- Один из стальных прутьев упал на землю. – Ничего, бывает – заявил один из находящихся со мной в комнате людей.

Радио силилось принимать поступающий извне сигнал. Но от него ничего хорошего не жди. – Сегодня вечером ожидается снежная буря – по радио начался прогноз погоды. – МЧС предупреждает водителей быть осторожнее на дорогах.

Будьте внимательны – диктор говорил это таким тоном, словно ему не было до этого никакого дела. Я был готов разделить с ним это чувство. Безразличие.

Мне хотелось поскорее закончить все дела. Во время ра-

боты я слишком часто крутил на языке фразу, что всё это было сделано зря. Зря согласился. Зря поехал. Зря торчал тут уже какой час.

Нет, в актах альтруизма не было ничего такого. Но для кого я это делаю? Для Бога? А может для того, чтобы потешить своё эго? – Прости – прошептал я про себя. Набрался смелости и сказал:

– Ребят, я вынужден с вами попрощаться. Мне ещё домой нужно как-то добраться, а вы и так всё слышали – мои слова были направлены в сторону трёх молодых людей, которые часто вызывались помогать Храму.

И на Пасху, и на Масленицу, да и вообще. Их заводной пыл и меня сподвигнул предложить свои услуги. Но под вечер я уже об этом пожалел.

Одного из них звали Сергей. Он был молод, низковат и горяч сердцем. Как-то раз он разразился целой речью, направленной против икон. Ещё тогда мы не нашли с ним общий язык. И дело было не в иконах. Мы слишком разные. Ум, отношение к вере, чувство жизни. Вот столько у меня было оправданий для моих антипатий.

И вот он произнёс – да ладно тебе, Ванёк – своим свитером он вытер свой намокший кончик носа. – Я же на машине, доделаем дело и вместе поедем. Остальные ребята посмотрели на меня, потом на него и согласились – да, осталось-то совсем немного. Разберём эту конструкцию и по домам.

Несколько секунд я ломался. Думал. Размышлял. Но ре-

шил остаться.

К десяти мы закончили свои дела. Перчатки я с собой не брал, поэтому мои варежки покрылись пылью и частичками ржавчины.

Строительная конструкция не представляла из себя ничего хорошего. Создавала контраст – Божий дом и старые железные стропила.

Сергей жал остальным руки, а я стоял в стороне и растирал свою шею. Вращал тазом влево и вправо. –Хрест- Удалось хорошо похрустеть позвонками. Хоть это меня порадовало. Мы вышли на улицу, и я набрал в руки немного снега. Потёр его об варежки, счищая с них грязь.

Сергей всю радулся снегопаду. Ловил его руками. Собирали языком. Уж не знаю, где он черпал эту неподдельную детскую радость.

Он звонко спросил меня – ну, как настроение? – его лицо была сама доброта. Я зевнул и начал шагать в сторону ворот. Какое может быть настроение? – С Божьей помощью – уныло ответило я ему. Сейчас мне хотелось попасть домой и лечь спать. Вечер был потрачен впустую.

–Хрум-хрум-хрум- Снег вкусно скрипел под нашими ногами. Совсем скоро от него останется лишь грязь, но мне до этого не было дела.

Я уже не в том возрасте, чтобы радоваться зимним осадкам. В отличие от Сергея. А он кружил под вихрем снежинок. Исполнял какие-то нелепые танцевальные движения.

Мы наконец сели в машину и начали её прогревать. Я даже не могу припомнить марку. Никогда не интересовался машинами и их устройством. Мне это казалось совершенно ненужным. Иногда мне всё казалось ненужным.

– Поехали уже – плаксивым тоном протянул я. – Уж прости, но мне хочется поскорее попасть домой. А живу я на Солнечной. Знаешь её? – мои глаза выжидающе смотрели на Сергея. – Знаю – ответил он, стартуя с места.

Мы тронулись.

Хорошо, что в стареньком авто слышится каскад звуков. Мотора, дворников, чего-то ещё. Прислонив голову к стеклу думаю о людях. Мне интересны их мотивы. Побуждения.

Хотелось бы знать, как получается так, что к некоторым людям тебя тянет, а некоторые тебе безразличны? Что такое дружба? Мне казалось, что это идея, разделяемая группой людей.

Но даже идея не была крепким фундаментом. Вот все мы прихожане одного храма. Нас объединяет Бог. Однако, ничего созвучного по отношению к этим людям я не испытываю.

– Врум-врум-врум- Машина встала. Я удивлённо замотал головой. Посмотрел в окно, потом на Сергея. Мы встали где-то в центре города. Затормозили на съезде у моста. И мне было непонятно почему. – Сергей? – мой голос прорезал густую тишину, как нож разрезает масло.

– Мы заглохли – только и произнёс он. А потом ударил по рулю. – БИП! – Надо было выходить из машины, смотреть в

чём дело. Я уже говорил, что машины не мой конёк. Но без моей помощи тут явно было не обойтись.

Сергей проделывал какие-то манипуляции с двигателем. Я же смотрел на кромку льда, что сжала русло Волги. Казалось, что в канале разливается сплошная чернота. У самых краёв набережной скопился разный мусор. Где-то вдалеке гавкали собаки.

– Подтолкнёшь? – от голоса Сергея я аж вздрогнул. Иногда мои мысли уносят меня слишком далеко. Таков уж склад ума.

Сергей заводил двигатель, а я легонько толкал машину. Она завелась. – Пссс- Странный звук привёл меня в замешательство. На этот раз прохудилась одна из шин.

ГОСПОДИ

Нас уже успело хорошенько припорошить снегом. Было холодно и влажно. С носа моего текло, варежками я стряхивал с куртки хлопья снега. – Мы будем менять колесо? – задал я глупый вопрос своему спутнику. Было очевидно, что нам придётся это сделать. А иначе наша поездка накроется медным тазом.

Сергей достал из багажника домкрат и попросил у меня помощи. Мы начали пытаться приподнять машину. Холод сковал всё моё тело. Настроение было такое же липкое, как пот, что скапливался под шапкой.

– Дзыньк! – На этот раз сломался домкрат, и машина осела. Теперь у нас не было домкрата. Но было колесо, которое

нужно заменить.

Я тяжело вздохнул и посмотрел на Сергея. – Что будем делать? – спросил я его. – Пошли – махнул он мне рукой. Мы начали осторожно спускаться, шагая к изгибам канала.

Там, в темноте, мы нашли какие-то старые доски. Пару камней. Напряжённая ситуация объединила нас. Наши усилия стали общими. И мы могли чувствовать друг друга без слов.

Мы сооружали что-то из этих обломков мусора. Подкладывали доски. Складывали камни. –Хрясь- Наша хрупкая конструкция не выдержала веса машины. Мы так и не смогли её поднять. Кружили на месте в поисках дополнительных камней или палок.

Поняли, что больше ничего вокруг нет. И решили попытаться счастья на дороге. – У меня тут есть полтинник – начал говорить Сергей – может какое такси подвезёт тебя? Но мне не хотелось бросать его. Хотелось пережить эту историю вместе.

Мы сигналили редким машинам, что медленно проезжали по дороге. Буря наложила неудобства на всех. Даже таксисты перестали ощущать своё превосходство на дорогах. Они плелись еле-еле.

Один из них решил остановиться. Общими усилиями у нас набралось сто рублей. Эти деньги мы предложили пухленькому и лысенькому таксисту, что открыл свою дверь навстречу нам. Изначально он не понял, что же мы хотим

от него. Но потом взял деньги и дал свой домкрат. Было уже двенадцать ночи. Мы наконец поменяли колесо. Таксист уехал, не сказав нам ни слова.

Мы сели в машину и снова начали её прогревать. Двигатель завёлся, хотя и не сразу. Сергей включил печку и спросил – как ты?

Я ответил – нормально, ты? – Пойдёт – крикнул он, заводя двигатель. – Спасибо – он посмотрел мне в глаза – здорово сработались.

Я не нашёлся что ответить. Лишь улыбнулся ему. И снова уставился в окно. Двигатель набирал обороты. Буря тоже.

Остальную часть дороги до моего дома ехали молча. Наши тела прошли сквозь частицы снега, грязи и пота. Мы вымокли до нитки. Всё ещё тряслись от холода.

А в машине воцарилась особая атмосфера. Иногда я испытывал подобные ощущения после Литургии.

Это чувство можно было спутать со слабым теплом, идущим от печки. Но нет – в салоне кристаллизовалось нечто необыкновенное. Слабо различимый след чего-то внеземного коснулся моего сердца.

Ко мне тогда пришло осознание. Осознание того, что дружба – это попытка людей противостоять жизненным невздам. В мире, где никто и никому не нужен.

«Зомби»

Крики и сгустки крови решили потусить на пустынной улице. Им хотелось вырваться из кожаных стен человеческого тела. –ГР! – Собака со всей своей животной маскулинностью вцепилась в руку ребёнка. Глаза её проецировали безумие.

Острая и слюнявая пасть служила напоминанием того, что животные не всегда разделяют дружбу с нами. Мальчик кричал и пытался вырваться из её влажной хватки. Его терпение кончалось. Своим кулаком он зарядил напрямиком в нос тощей дворняжки. Она была худа и плешива. Казалось, что это библейский Иов, принявший облик облезлого кабеля.

– Отцепись от меня, шавка – мальчонка явно пребывал не в духе. Он снова и снова бил по собаке. До тех пор, пока она его не отпустила. Напоследок он изловчился и пнул её под живот. Глупое животное вскрикнуло –ТЯВ! – и отскочило в сторону. Но было видно по налитым кровью глазам, что собака не оставляла своих хищнических намерений.

Оставалось только бежать куда подальше. Убраться в сторону от дикого и тупого животного. Где безопаснее всего? Правильно, дома. Даже если тебя там бьют и не любят.

Вот он – дом. Статный, каменный, возвещающий уют и покой. Во дворе мальчик остановился и посмотрел на свою окровавленную руку.

Небольшой след от укуса обрамлял набухающий синяк. Красная кровь смешалась с грязью и слюной проклятого животного. – Вау! – – выдавил мальчишка из себя. Вау? В его голове уже зарождалась история. Ему хотелось похвастаться перед своими друзьями. Рассказать про свою победу. Показать шрам памятной битвы, в которой он вышел победителем.

С довольной улыбкой он вошёл в дом, пытаясь не сильно шуметь. Отец опять спорил по телефону со своим другом из города. Пытался доказать ему, что дом в посёлке городского типа равносителен выигрышу в лотерее.

– Ты не понимаешь ничего, у нас будет расти всё своё. Помидора, огурцы, картошка. Чистый воздух и отсутствие загазованного воздуха. Завидуй там молча, ок? – отец сжал руку в кулак – и сам ты деревенщина. Мы дауншифтеры.

Отец с матерью не очень-то интересовались своим сыном. Их больше интересовала зелёная революция. Экологичный образ жизни. Они мечтали о гармонии с природой. Что в таких случаях остаётся ребёнку? Изобретать свой собственный мир, полный приключений и опасностей. Вот и сегодня на него напал «дикий волк», получивший по своей «волчьей» шкуре.

– Я дома – только и произнёс он, направляясь на кухню. Ему хотелось поскорее промыть рану и наложить бинт. Лишние вопросы от родителей были ни к чему. Открыть кран, промыть рану с мылом, наложить повязку. Готово. Отваж-

ный исследователь прерий снова готов отправляться в бой! В комнату вошла насупленная мать.

– Ты опять разбрасываешь обувь? – произнесла она, указывая рукой на брошенные в стороне ботинки. – И сколько это будет продолжаться? А – она насупилась ещё больше, положив свои худые руки на бока. Мы бы точно сделали ей замечание про её образ жизни. Быть веганом опасно для здоровья. Это слова учёных, не мои.

Её бледный цвет кожи говорит сам за себя. Она вперилась взглядом в сына и заметила свежий кусок пластыря. – Ты опять поранился? Что на этот раз? – с истерической интонацией спросила она. – Егор, сколько можно тебя учить, будь внимателен и осторожен – с нравоучительным видом она кружила на одном месте – вселенная хочет для нас только хорошего.

– Ничего страшного, ма – Егор улыбнулся во весь рот и отвёл взгляд в сторону – это я упал немного, заживёт. Тишина в комнате стала напоминать атмосферу поминок. Все всё понимают, но сказать им нечего. Да и говорить особо не хочется.

Егор завёл руку за голову, растормошил свои волосы и скороговоркой выпалил – лблю тбя, ма. Пойду ещё поиграю. Быстро побежал к матери, чмокнул – чмок! – её в щёку и в скоростном режиме нацепил кроссовки.

Веселье продолжалось. За летние каникулы столько ещё предстояло сделать!

На седьмой день Егору стало плохо. Весь день он просидел в своей комнате, дав своим родителям возможность отдохнуть. А они были только рады, энергия их сына не уживалась с их буддийскими установками. Медитация и осознанность – вот что имело для них значение. В отрешённом состоянии они смотрели какой-то сериал по телику. Очередное шоу про нашествие зомби.

Тошнит уже от этого жанра, честное слово. -Тра-та-та! – Автоматная очередь вывела их из духовного равновесия. Они вздрогнули и пришли в себя. Но это были всего лишь герои на экране.

Отбивались от толпы наитупейших зомби. Родители Егора посмотрели друг на друга и улыбнулись. Им захотелось поцеловать друг друга. И всё бы хорошо. Но на отца со стороны тёмного коридора набросился Егор. –Архх! -

Он запрыгнул отцу на спину и пытался укусить его в шею. Ухо и щека отца уже покраснели от серии укусов. Следы зубов на щеке начинали краснеть. Егор со всей силы вцепился в папашу. Мать вышла из ступора и заорала:

– Егор! Что ты делаешь, прекращай! Отцу удалось скинуть Егора на пол. Мальчик был не похож сам на себя. Глаза налились красной краской. Руки дрожали. С уголков губ стекала слюна. Казалось, что Егор вылез прямым из ТВ-ящика. Не забыв выйти из образа живого мертвеца.

Отец выставил перед собой руку и закричал – прекрати сейчас же, а не то я из тебя всю дурь выбью.

Но Егор не хотел останавливаться. Ему хотелось добраться до отца. А потом добраться до матери. Он снова прыгнул в сторону отца, напоровшись на его кулак. Инерция унесла Егора в сторону, припечатав его головой об тумбочку. Хм, неплохой удар, папаша. Сын угомонился. Дело сделано.

Мать смотрела дикими глазами на отца – может это гормоны? Половое развитие бьёт по поведению? Отец не нашёлся, что ответить.

Он медленно приблизился к Егору и посмотрел на ссадину. – Лучше всего вызвать врача – начал уверенным тоном говорить он – так будет лучше для всех нас. Мать лишь молча закивала головой. Немного напряжённого ожидания. Врач прибыл часа через два.

Дауншифтинг не лучшим образом сказывается на медицинских услугах. С угрюмым видом врач слушал историю родителей Егора, параллельно обрабатывая ушиб на голове. Он радовался тому, что у него есть маска и перчатки.

Интуиция пыталась нащупать что-то в его мозгу, правильный ответ. Собрать клиническую картину. Ну а пока средства индивидуальной защиты. Без них никак нельзя. Никогда.

Из фазы ступора его вывели слова родителей. Они развели руками в стороны, говоря – знаете, он был, как зомби. Он пытался меня укусить несколько раз – отец показал врачу налитые кровью шею и ухо.

«Как зомби?»

– Твою мать – выдавил из себя врач. Его взгляду открылась ссадина на руке Егора. След от зубов животного. Покрывшийся струпом.

Он отшатнулся и ещё раз произнёс – зомби – снимая перчатку и доставая сотовый из кармана брюк. Вздыхнул и начал набирать номер.

Родители не понимали в чём дело, им совсем не нравилась реакция доктора. И почему его так зацепили слова про зомби. Их же не существует. Верно?

– Доктор, что случилось? Вы можете не охать и ахать, а говорить с нами? – мать начала подходить ближе к врачу. Он показал ей жест ладонью, означающий «стоп». На его телефонный вызов наконец кто-то ответил.

– Ало, это Николаев. Да, на выезде. Срочно нужна машина скорой помощи, пусть фельдшеры хорошенько снаряжаются – рукой он сдавливал свой кадык, волновался – тут заражение бешенством. Да, я сказал бешенством. Будем изолировать – он сглотнул ком слюны – и скажите ещё эпидемиологам, пусть организуют карантин и зачистку. Адрес вызова у вас есть.

Мать с отцом совсем растерялись, не в силах что-либо сказать. Дрожащим голосом отец произнёс – бе-б-бешенство?!. Врач сурово посмотрел на него и произнёс – раньше надо было думать. А сейчас вашему сыну конец – в подавленном состоянии он сел на диван.

С его уст слетела еле слышная фраза, преисполненная от-

чаяния – зомби, блядь...

«Пережить»

Проснуться, сходить на работу, прийти домой, лечь спать. Повторить.

Мне двадцать третий год.

Ничего особенного. Ещё один обычный день. Казалось, что все эти дни печатает копировальный аппарат. И каждый последующий похож на предыдущий.

За окном начинало светать. Минуту я смотрел в потолок и старался обмозговать фразу, которая преследовала меня уже давно. – И зачем это всё? Ответом была тишина.

Встал с кровати и потянулся. -Хруст- Начал вращать своей шеей влево и вправо. Здоровье ещё имело какой-то вес. Но список значимых вещей постепенно укорачивался. И поводов для бодрости духа становилось всё меньше.

Солнце за окном постепенно начинало захват территории. Я осматривал пустые улицы, следив взглядом за редкими машинами – рутина никогда не покидала эти места. Цвет солнца утратил свою глубину. Мир казался пожелтевшей фотографией.

Почесал свою жиденькую щетину. Бриться мне не хотелось. Я уселся на край кровати и начал смотреть на стену. Постепенно перевёл свой взгляд на потолок. Шурился и искал следы паутины в углах. – Бессмыслица!

Раньше любил это занятие. С его помощью мне удавалось

структурировать свои мысли. Раньше, не сейчас. Мысли однажды покинули мою голову. С тех пор они не возвращались. Теперь всё сводилось к одному. – Зачем это всё? И тишина.

Спустя время вещи в комнате стали уже различимы. Появился контраст. Пучки серого цвета оседали на предметах, даруя им немного резкости.

Снова хрустнул шейей. – Хрест- Подошёл к столу и начал искать блокнот. – Ага – я протянул к нему костлявую руку – вот и ты.

Некоторые психологи считают, что сознание людей может расставлять акцент на определённых сферах человеческой деятельности. Кто-то рисует, кто-то любит говорить с людьми, а кто-то философствует. Мне не повезло, я попал к последним.

Взял ручку со стола и начал искать закладку в блокноте. Нужная страница подвернулась сразу же. Моё исследование продолжалось:

– Второй год я пытаюсь ответить на самый главный вопрос всей философии – ручка коряво переносила мысли на бумагу – на вопрос о смысле жизни. На время я задумался – Виктор Франкл умудрился не упустить идею смысла в концлагере.

Путаница в голове прояснялась с трудом, я начал нервно покусывать свою губу – Барух Спиноза не утерял идею смысла даже после болезненной процедуры изгнания из своей общины. Я отложил ручку. – А я что?

Проснуться, сходить на работу, прийти домой, лечь спать.
Повторить.

Сложно проводить исследование, если не понимаешь главного – цели.

Все остальные процедуры утреннего часа я совершал на автопилоте. Думать мне совершенно не хотелось. После завтрака я попытался выдавить из себя ещё пару строк, а потом плюнул. От этой научной статьи ничего не изменится. Жизнь моя проходит мимо. И с этим ничего не поделаешь.

Решил прогуляться. Направить свой взгляд вовне, стараясь найти какие-то зацепки в окружающем меня мире. Иногда я жалел, что у меня нет друзей. Хотелось бы изредка послушать мнение других, но нет.

Голову всегда посещала одна и та же мысль – окружающие люди глупы. Они думают обо всём подряд: цены, дети, машины, телефоны, новое шоу по ТВ. Но никого не интересует глубина нашего мира.

Никому нет дела до Вселенной и до её первопричин. Вот почему у меня нет друзей. Мне казалось, что никто не сможет заинтересовать меня своим обществом.

Я ещё раз повторил свою любимую мантру. – Люди устроены просто, обычно у них нечему учиться. Серая обыденность и кавардак в голове. И тишина.

Проснуться, сходить на работу, прийти домой, лечь спать.
Повторить.

Я шёл по улицам и озирался по сторонам. Мне хотелось

запечатлеть каждый момент. Пробраться в причины и следствия. Видеть и слышать больше остальных.

Мусор усыпал прилегающую к дому территорию. Тут намешалось всё, от окурков до брошенных шин. Где-то вдалеке гудел мусоровоз. –УФФ-

Мне вспомнилась виды местной свалки. Тонны гниющего мусора. Отрава, что пропитывала землю и впитывалась в облака. В такие моменты казалось, что однажды нам всем придёт крышка. А потом я одёргивал сам себя. – Мне-то какое дело? И я шёл дальше.

Кто-то из мыслителей ссылался на красоту звёздного неба и упоминал нравственный закон внутри нас. Звёздное небо вперемешку с космическим мусором. Нравственный закон и несовершенная юридическая система.

В мире ничто не имело смысла.

Я проходил здание школы и всматривался в сутулых детей. Все существовали в рамках своего маленького мира. Музыка, мода, жизнь блогеров. Мне совершенно не хотелось думать про образование или про государственные стандарты.

Перевёл свой взгляд на небольшую церковь. Один меценат построил её после убийства своего сына. Любовь и смерть – две темы расположились так близко друг к другу.

– Но смысла в этом нет – сказал я святому Иоанну Воину, что был изображён на фреске. Вселенная появилась случайно, люди представляют из себя продукт эволюции, жизнь за-

канчивается со смертью мозга. А потом тепловая смерть не оставит от нашего мира ничего, только крошечную тьму. И всё, баста!

Вокруг меня по своим делам шли люди. Кто-то торопился, кто-то шагал медленно и уверенно. Все чем-то горели. Или делали вид. Но мне казалось, что я вижу их насквозь:

Проснуться, сходить на работу, прийти домой, лечь спать. Повторить.

В тот момент я решил сходить прогуляться по местной заброшке. Это было старое здание, что уже давно пустовало, покрываясь слоем пыли и паутиной трещин.

Казалось, что в таком месте точно должно найтись вдохновение. Или частичка чего-то сокровенного. Ноги сами понесли меня туда. Она постепенно начала расти на горизонте.

Здание стояло на обочине дороги и выглядело сурово. Осколок иной реальности. Забор вокруг покосился. Однако, я знал, что где-то в заборе будет дыра или щель. И поэтому уверенно обходил здание со стороны.

Проход был найден, я осмотрелся по сторонам и осторожно пробрался на оставленную человеком территорию. Вокруг был только строительный мусор и чьи-то старые следы.

Стеклянные бутылки, баллончики от краски, разорванный на две части матрас – всё здесь нашло последнее пристанище.

Место это было давно отдано на растерзание неумолимому ходу времени.

В голову пришла мысль о бездомных людях и пустующей территории, но она быстро сменилась моим излюбленным вопросом. – А смысл в чём? И тишина.

Начал осторожно идти по территории, прислушиваясь к окружающим шумам. Мне не хотелось встретиться с бродячими животными или наткнуться на местных пьяниц. И те, и другие могли повести себя непредсказуемо. Не хотелось бы в процессе своих поисков пострадать или чего похуже.

Но никого вокруг не было, даже странно. То ли разочарование, то ли облегчение. Неважно. Я подошёл к лестнице и начал подниматься. У этого места была своя эстетика, свой шарм. Частичка чего-то особого.

Тишина в сочетании с бетонными балками и стальными спицами. Горы мусора, подпирающие стены, исписанные граффити. Кто-то даже жёг здесь фаер. Это место влекло не только меня. Многие люди искали здесь что-то. Может находили, а может и нет. Я беспокоился только о себе.

Решил остановиться на четвёртом этаже, осторожно шагая по каменному полу. Нужно было следить за собой и за своими ногами.

Стены были построены не везде, ветер или неуклюжее движение тела могли подтолкнуть тебя навстречу жёсткой земле. Такие случаи тут уже случались.

Остановился у разъёма окна и понял, что нужно подниматься выше. Отсюда ничего не было видно. Только изгибы косого забора.

На шестом этаже открывался неплохой вид на окружающие «красоты». По левую сторону проходила железная дорога, по правую находилась бензоколонка. Люди казались маленькими, а их дела совсем перестали что-либо значить для меня. Несколько минут я замороженно смотрел по сторонам и пытался ответить себе на утренний вопрос. – Зачем же я всё-таки живу?

–КХМ-

– Простите – сердце в груди от такой неожиданности завелось с пол-оборота. Я резко обернулся и увидел девочку лет двенадцати. Сразу бросились в глаза её красивые волосы, спадающие на синюю майку. И удивительные глаза. Казалось, что её взору доступно гораздо больше. На минуту я забыл о мире вокруг нас. Она улыбнулась мне и произнесла – я вас не напугала?

Какое-то время я стоял и думал – да нет, не особо – ответил я ей. – Откуда ты здесь взялась? Меня удивило, что на этой заброшенной стройке оказался не только я. Правильно мне показалось – это место влечёт к себе многих. Даже чуждых детей.

Девочка как-то неловко опустила взгляд на свои белые кроссовки и сказала – я котика ищу, вы мне поможете? Мне стало тяжело ориентироваться в ситуации – какого котика? – только и ответил ей я. Вопросом на вопрос. Как же глупо.

– Я играла с котиком, а он испугался и убежал сюда – своими руками она активно жестикулировала, пытаясь подчерк-

нуть всю драматичность ситуации. – А я ему нельзя сюда, он же может пораниться или потеряться. Она сделала ругами дугу, подчёркивая монструозность заброшенного здания. В ответ оно ответило каким-то сдавленным гулом. – ВУУ-

Железные штыри, дыры в полу, отсутствие стыков в некоторых местах – не лучшее место для детей и животных.

– Да, помогу тебе – слова из уст полились сами собой. Почему я так уверенно согласился на всё это? Разве мне есть какое-то дело?

Девочка подпрыгнула и хлопнула в ладоши. – Хлоп! – Меня зовут Ксения – с достоинством произнесла она. – Я отважная исследовательница этих земель. Вас тоже удивляют её слова? Что с ними не так?

– В ходе одной из вылазок я нашла котика, у которого болели глазки – лицо Ксени сияло, она наполняла каждое слово жизнью.

– Вчера я закапала ему в глаза раствором, а сегодня решила тайком от мамы взять его к себе домой и помыть. Вот. Ксения часто-часто захлопала глазами. Ждала чего-то от меня в ответ. Откровенности.

– Я Иван... Ваня – нерешительно начал я. – Приятно познакомиться. Как-то неуверенно почесал свой лоб – попробую помочь тебе с поисками твоего кота.

Я отошёл от окна и начал осматриваться по сторонам. – Кс-кс-кс- Хотелось бы, чтобы кот побыстрее откликнулся. – Кс-кс-кс-

– А ты тоже их видишь? – неожиданно спросила меня Ксения. – Что, кого вижу? – задумчиво переспросил я.

– Ангелов! Ты так внимательно смотрел в окно. Я решила, что ты видишь одного из них – каждое слово Ксени казалось живым существом. Что-то изменилось в этом месте и во мне с её появлением.

Я хотел было включить режим зануды – Ксень, ангелов... И тут я увидел на противоположной стороне недостроенного шестого этажа воздушный шар.

Воздушный шар, на котором была нарисована кривляющаяся рожица. Расплывчатая улыбка – Что за...? – только и выдавил из себя я.

И тут оттуда донеслось. –Мяу!– На краю потрескавшейся плиты сидел белый кот, шерсть которого покрылась слоем грязи и пыли. Он сидел у самого края и дикими глазами смотрел по сторонам, не понимая, что ему теперь делать. – Мяу!-

– Это он! – взволнованно закричала Ксения. – Тише! – шикнул я на неё. И пошёл в сторону кота. –Кс-кс-кс- Мне было нужно привлечь его внимание. Я не хотел, чтобы он с испугу натворил что-то.

Что-то такое, что потом расстроит Ксению. В тот момент я понимал, что это расстроит и меня. Кот смотрел на меня своими зелёными глазами и жалобно мяукал. –Мяу!-

А я шёл в его сторону, осторожно, не спеша. Ксения стояла где-то сзади, не издавая ни единого звука. Смышлёная, по-

думал про себя я.

Наконец я подошёл к коту и осторожно взял его на руки. Он благодарно прижался ко мне и замурчал. А я просто стоял и гладил его. Наслаждаясь магией этого момента.

Ксения стояла и хлопала в ладоши. – Ура! – она вся светилась от счастья.

В этот момент солнце вышло из-за туч и осветило всех нас. Казалось, что чудная девочка способна оживить даже такое затхлое место, как это. – Будешь моим другом? – спросила она меня.

И я снова увидел воздушный шарик с забавной рожицей, что пролетал где-то вдалеке. Он снова улыбался своей кривой рожицей. Смех непроизвольно заструился из моей груди.

Улыбнулся Ксене в ответ и ответил – да, я буду твоим другом.

Пару минут мы просто стояли и смотрели на золотистые лучи солнца. – Знаешь что? – начал я. – Пойдём ко мне в гости. Помоем кота, дадим ему имя, попьём чай с рулетом. У меня сегодня вроде как особенный день.

Ксения была само солнце. Она снова подпрыгнула и произнесла – как круто заводить друзей! Взяла кота на свои руки и стала пальцами чесать его пузо.

Смысл, идея, суть – это лишь старые слова. Такие же нефункциональные, как эта заброшенная стройка. Слова, в которых нет жизни.

Начинало казаться, что жизнь начинает проявляться здесь. В этом моменте. И она от нас уже никуда не уйдёт. Столько времени я искал подобные моменты. А всё пришло само. Здесь и сейчас.

Я ещё раз посмотрел на девочку, качающую кота на своих руках. Ко мне ещё раз пришло это доселе незнакомое чувство. Всё ощущалось живым, было похоже, что у каждой минуты есть собственный ритм. Своя уникальная мелодия.

«Или же мне только хотелось так думать?». Стоп. Ну её, философию эту – дурашливо ухмыльнулся я. И вместе с Ксенией мы осторожно начали спускаться вниз. Минуя все прогалы и отверстия в полу.

Наша звонкая речь оживила мёртвый пустырь стройки отзвуками наших сердец. Каждый шаг теперь казался отчётливым и важным. Ко мне наконец пришло ощущение полноты момента.

Вот мы – я и Ксения, идём в сторону моего дома. Мыть кота, пить чай, есть рулет, разговаривать и смеяться.

Отмечать мой день рождения.

Жить.

«Наперегонки»

У вас бывает такое, что вы тупо смотрите в одну точку? Минуту. Две. Три. –Бац! – И вас что-то выдёргивает из этого состояния. Словно вы старый гвоздь, который всех достал. И вот вас резко выдирают из привычного мироустройства. Смех доносился из подъезда. Заливной. Гулкий. Протяжный.

Это был не единственный звук, привлёкший моё внимание. Казалось, что в подъезде бегают стадо слонов. –Тыгыдык-тыгыдык- И так несколько раз подряд. А ещё этот противный звук створок лифта. –Трынть! – Кто-то и до него успел добраться.

Реверберация делала своё дело и звук постепенно угасал. Но затем процесс повторился снова. К этому моменту я таки смог добраться до своего глазка в двери. Спину мою ломило, ноги чутка дрожали, но я набрался сил и стал выжидающе смотреть. В этот момент я напомнил себе извращенца, что наконец добрался до видов женской раздевалки.

Вот и источник звук стал наконец явным. –Ха-ха-ха! – Не догонишь. Не поймаешь! Я быстрее! Моему взору на пару минут открылись виды детских тел. Это они были источником шума. Именно их игра заставила меня встать с дивана и пойти узнать в чём тут дело.

Знаете что? Я сейчас тоже улыбаюсь. И ни капли не злюсь

на этих маленьких проказников. Насчитал банду из трёх весёлых ребят. Их беготня по подъезду навевает мне воспоминания о лучших годах моей жизни. О детстве. Всё было такое ясное и понятное. В те времена мир отдавал своё тепло, демонстрировал глубину вещей и человеческих отношений.

Тогда мне ещё казалось, что любовь способна преодолеть все тяготы нашей жизни. А что потом? Да ничего особенного. Взросление резкими мазками ластика стирает все твои детские рисунки. Нарисованный замок превращается в однокомнатную квартиру. Дружная некогда семья распадается на отдельные атомы. Отец спивается и умирает от цирроза печени.

Мать погружается в себя и больше уже никогда не делится с тобой частичкой материнской заботы. Ностальгия, одним словом.

Мечты со временем стухли и отправились на местную свалку. Отрочество мне давалось тяжело. Тогда мне пришлось работать на заводе. Обрабатывать детали на фрезерном станке. Смены были длинные, дни были сонные.

Вот как-то и утянуло пальцы мои в скалящуюся пасть станка. Мне запомнились только тёмные пятна в глазах, да жёлтое пятно на трениках. Пропало отцовское наследие. Да и наследие матери частично сгнуло в чреве станка. Это её организм сформировал когда-то мои хрящи и мышцы. А я так бездарно их проебал. —Хнык-

Как хорошо, что разум хранит сладкие воспоминания из

детства. Они – ириски, стоящие на самой дальней полке. Их всегда приятно достать оттуда, распаковать и забросить в свой беззубый рот. Дети продолжают шуметь и хохотать. Их проделки в очередной раз выводят меня из мира моих старческих грёз.

Не нудите, пусть они смеются. Все мы такими были.

Курили в школьном туалете, дёргали одноклассниц за их длинные косы, пытались узнать, что они прячут под юбками. До сих пор помню, как вместо уроков мы шли на заброшенный пустырь. И начинали играть в догонялки. А эти земляные склоны? Как приятно было забираться на них и скатываться вниз, словно мы были старыми покрывками от дедовских жигулей. Детство у нас было ещё-то. Насыщенное и дерзкое. Хулиганское, как и у них.

Рад за этих энергичных и смеющихся деток. Попробуйте встать на их место. Разве вас будет веселить их текущая игра? Нет. Они поднимаются в лифте на самый последний этаж, а потом резво сбегают вниз по лестнице. Соревнуются. Упражняются. Гогочут.

Благослови Господь детей и их простодушие. Нам взрослым уже не дано испытать подобных ощущений.

Мы постарели и стали грузными корягами, что цепляют молодёжь своими бестолковыми нравоучениями. – Веселитесь и радуйтесь, ребят! – кричу я им сквозь свою железную дверь. Молодость для того и существует.

Отошёл от глазка, так как глаза мои промокли. Хорошие

ребята. Забавные. Благодаря их проделкам старый работяга погрузился в своё далёкое-далёкое детство. Их жизнь не стоит на месте, в отличие от моей. Им пора бежать дальше. Улица манит их. Готовит новое приключение. Вам тоже хочется узнать, что же будет дальше? Айда за мной!

Беру свои ходунки и медленно плетусь на балкон, в надежде снова увидеть их светлые и сияющие лица. Да, они уже были здесь. Только вместо догонялок группа из трёх ребят повалилась на грязный и растрескавшийся асфальт. Чего это с ними?

Трое сорванцов устроили борьбу прямо за домом. Звук смеха сменился на матерные выкрики. Улыбка мечтателя сменилась на оскал ярости. Видимо они что-то не поделили. Дело принимало скверный оборот.

Двое из них объединились и начали изливаться всю свою ярость на третьего, самого младшего из них. -Эх! – Лицо его уже начинало покрываться синяками и ссадинами. Надо бы их остановить. Это нельзя оставлять таким образом. Сами же потом будут жалеть, балбесы эдакие.

– Ребят, прекращайте, так нельзя! – кричу я им с балкона. – Стоп, хватит! –Кхе! – Мой голос срывается на хрип. – Реб... –Кхе! – И я начинаю гулко и хрипло кашлять.

Это всё сигареты, они меня точно доконают. Прав мой терапевт, надо бы прекращать это дело. –Кхе! – Но моя нотация возымела какой-никакой, а успех. Они отвлеклись от потасовки и трусливо посмотрели на плеяду старых балконов.

Они недолго были в замешательстве, на время прекратив свой град из тяжёлых ударов. Но этого времени оказалось более чем достаточно.

«Малой» успеваает вырваться из их рук, тупо озираясь по сторонам. Он понимает, что времени у него мало. И начинает бежать. Думаю, что адреналин хорошо вдарил по его маленьким и незрелым мозгам. Интуиция выводит его напрямик на дорогу. Остальные ребята приходят в себя и начинают двигаться в его сторону. Со стороны кажется, что это ссора гиен, удачно попавшая на камеры телеканала National Geographic.

Я всё ещё заливаюсь кашлем и с трудом разбираю последовательность событий. –Кхе! – Мне становится по-настоящему нехорошо. Но я пытаюсь отследить их перемещение.

Малец бежит наперегонки с обидчиками. Ему хочется преодолеть дорогу и скрыться за соседними гаражами. Какая неудачная идея! Бегать по дороге среди бела дня. Зачем я каркал? Из-за угла успеваает выскочить Kia Seltos, что недавно светился в рекламе на телике.

Боже, нет! Мальчонка в ступоре смотрит на приближающийся кроссовер, а тот и не думает тормозить. Тело ударяется об бампер, быстро соскальзывая под колёса. Передние проезжают по голове мальчика, превращая её в кровавую кашу.

Задние колёса превращают его туловище в труху. Возникает ощущение, что его тельце прошло через стальную мясорубку. Кости, хрящи, жир – всё это образует кровавую кашу.

От него не остаётся какой-либо структуры, только груда кровавых кусков, благоразумно прикрытых лоскутами тряпок. Двое других мальчишек наперегонки улепётывают куда-то в сторону, нацепив на лица маски ужаса. Seltos, запачкав свои шины в артериальной крови, вдаёт по газам и скрывается за горизонтом.

Теперь о его деянии свидетельствует кашеобразный сплав из останков мальчишки, да пара кровавых следов от массивных шин.

В этот момент мою голову пронзает резкая боль. Начинаю дышать, как учил врач. -Вдох и выдох- Повторить пару раз. Спустя пару минут мне уже легче. Озираюсь по сторонам и вижу толпу зевак, что смотрит на чьи-то останки.

О чём это я? Точно, пора пить свои таблетки.

«Уборка»

Лужа жёлтой блевотины растеклась в углу лестничной площадки. Жёлтый цвет уверенно поглощал золотистые лучики солнца, проступающие сквозь мутное стекло. Ну а хули? Денег выделяют не сказать чтобы много. Вот и приходится елозить по нему старой и облезлой тряпкой. Проклинаю каждый проявившийся развод на стекляшке. – Ёб ты – я зажал рот рукой, смотря на чьи-то засохшие внутренности. – Пиздец ёбанный.

Порой мне казалось, что это не подъезд, а отрезвитель. Уж столько разной ебалы тут происходило. Вроде культурные с виду люди, ан нет, ничего подобного. Гадили похлеще стаи вонючих мышей. За годы работы уборщиком я успел полюбить всех. Тараканов, моль, крыс. Но людей так и не смог. Они мне были противны донельзя.

ЕБУЧИЙ СЛУЧАЙ

Именно так я отреагировал на бомжа, что свернулся у мусоропровода, обхватив своим телом ножки старого табурета.

И нахуя оно тут? Нет, я не про табурет. Я про это пьяную и вонючую скотину. Сто пудов он и наблевал. А на этом этаже ещё и здоровски обгадился. От мусоропровода несло мочой и затхлой отрыжкой. Бомж мирно посапывал и видел какие-то сны. Уёбок грезил.

А что я? Я простой уборщик, ёптить. Уже какой год уби-

раю этот злосчастный подъезд. Попутно здесь же и проживая. Иногда моя грудь вздымалась от напряжения, а из ушей валил пар. Вот настолько меня всё бесило. – Вставай – буркнул я. – Чепушило, ау? Я ещё раз гаркнул, но уже над ухом бомжа. Смрад стоял сильнейший. От него пахло какой-то палёной выпивкой. К щетине прилипла корейская морковь и кусочки тухлого мяса. – Гадость! – только и отрыгнул я.

Меня распирало от злости. Боже, я у тебя многого прошу? Мне лишь бы помыть этот конченный подъезд и забраться в свою хату. Там пиво и телик. Большого мне не надо. А бомж совершенно отбился от рук.

Ему было плевать на мои слова. Чхать он хотел и на мои планы. – Ладно, чувырла, лежи – произнёс я неизвестно кому. И легонько ударил его носом ботинка в живот. Это так, чтобы неповадно было.

Решил пока смести мусор с остальных этажей. Взял разваливающийся на моих глазах веник. Он походил на букет венерических заболеваний. Такой же несуразный. Вызывающий какое-то внутреннее отторжение. Ну а что? Я всего лишь уборщик. – Убирай мусор и не еби мозг – вот и все слова председателя. Никто не просил от меня чего-то большего. Да и я не хотел чего-то такого. Ну нахуй.

На пятом этаже в разъёме лифта я увидел голую жопу. Кто-то срал прямо на створки подъёмника. Тужился, что есть силы. Я уже со ступеней услышал пердёж. –Пфф-ХУЛИ ТВОРИТСЯ-ТО?

Со злости я зарядил уёбку веником по жопе. Да так сильно, что веник и развалился. Мужичок средних лет от неожиданности поскользнулся на своём говне, присев голой задницей прямиком на холодный пол.

Глаза его наполнились удивлением. – Мудила! – завопил я. – Ты чего творишь нахуй? Тут же люди живут, дети. А ты срёшь, словно ты бездомное животное.

Он не нашёлся, что мне ответить. Лишь часто-часто заморгал. Чего-то пробухтел, осматривая свои боты, что теперь были испачканы в его же дерьме. Я кинул в него половую тряпку и заорал. – Вытирай эту срань за собой, а не то я фараонов вызову! Угроза возымела воздействие. Он собрался с духом и встал, наконец натянув на себя штаны. Начал кряхтя вытирать свои фекалии.

Настроение совсем скисло. На одном этаже бомжатина, что блюёт и ссыт. На другом какой-то маргинал решил просрать. В чувствах иду открывать одно из подъездных окон. Запах стоит невыносимый. –Бздыньк! -

Мимо моего лица пролетает тарелка, разбиваясь об бетонную стену. Я ошалевшими глазами смотрю на её осколки, что решили фривольно улечься на площадке. – Ебать – выдыхаю я. Работы мне только прибавляется, да? Что за ебанутый сегодня день...

Оказывается, что это молодёжь ссорится. И уже не в первый раз. И не во второй. Я постоянно их крики слышу. Но до посуды дошло впервые. Смотрю на тёлочку в махровом

халате. Всегда подмечал, что она соска. Такой бы я зарядил. Пробурил бы её скважину. Но кто я такой? Простой уборщик.

Они просят у меня прощения, сообщая о том, что сами всё уберут. Я с улыбкой удаляюсь на девятый этаж. Просто помою подъезд, закончив на этом. Пусть управляющий сам разбирается с участковым. И пусть наконец уже поменяет домофонную дверь. Не жилая зона, а проходной двор. На восьмом этаже наступаю в кучу кошачьего говна. Чертыхаюсь. – БЛЯДЬ! -

Вечером смотрю какое-то обрыганское шоу по телику и наслаждаюсь баночкой пива.

– Жизнь удалась! – чокаюсь об горшок с кактусом. Он единственный жилец в моей квартире. Единственный и неприхотливый.

И тут мимолётом слышу, что в подъезде воцаряется какой-то гул. Будто строительный мусор спускают по этажам. – Бдыньк-бдыньк- Словно спускается жирная корова, что плевать хотела на своё непомерное ожирение. Вижу в глазок очертания мусорных мешков. Мужичонка тащит их на улицу. Чтобы уже там сбросить мешки у подъезда, в очередной раз выебав экологию в рот.

Так, а это уже интересно. Сейчас всё равно ночь. А на мусорниках периодически можно найти какую-то обновочку. Или что-то поинтереснее. Свой кактус я нашёл на помойке, да и унитаза притащил оттуда же. Люди у нас совсем не эко-

номят. Выбрасывают отличные вещи. Ничего, мне же лучше. Начинаю потихоньку собираться, надеясь себе что-то урвать.

Спускаюсь вслед за звуком в самый низ. Понимаю, что это наш сосед тащит мешки, набитые тряпками. Это тот самый, что ссорился с той тёлкой. И чуть не уебал мне тарелкой по щам. А пакеты-то полнятся добром. Бабьими цацками. Одна из них выпадает из мешка, но он жадно хватает её и засовывает обратно.

Ебать, думаю про себя я. Вы это видели? Они решили от шмоток избавиться. Охуенно. Часть продам через Авито. Начинаю делать вид, что курю у подъезда, особо не интересуясь окружающей средой. Пиздёж. Сам зырю за действиями непутёвого соседа. А он вытворяет что-то странное.

Озирается по сторонам и спускает чёрные мешки в подвал. Вы не ослышались. Эту падлу редко закрывают на замок. Позволяя всякому сброду устраивать там тусовки. Мне иногда кажется, что там уже свершились все самые тёмные ритуалы. Самое главное, что девственниц там точно не ебали. А то мало ли – ещё бы и Армагеддон по нам ёбнул.

Наконец он закончил всё свои дела, аккуратно прикрыв за собой металлическую створку. –Скрип! – Да, знатно она проржавела.

Молодой аж за сердце схватился, настолько его этот казус испугал. Он медленно шёл в сторону подъезда, с таким видом, будто меня нет. Ну и чё? Я же всё-таки простой уборщик.

Он ушёл в свои хоромы, а я курю ещё одну. Выжидаю. Вдруг пиздюк ещё рас спустится, вынесет чего. Или решит проверить свои закрома. Но нет – тишина.

Десять минут.

Тридцать минут.

Час.

Самое время пойти и проверить нычку. Может там что-то важное? А может им просто лень это всё дома хранить. Спускаюсь в подвал и смотрю в мешки. Тряпки. Шмотки. Ещё тряпки. Рука. Стоп, ёптить. Рука?!

Бросаю отрубленную женскую руку в сторону. С ужасом смотрю в раскрытый пакет. Ебануться, таки он её порезал. Курочку свою. Да ещё и покрашил хорошенько. С ней теперь и не сделать ничего.

Надеваю перчатки и достаю из кармана свои мусорные пакеты. Аккуратно складываю все женские вещи туда. Ничего, кровь отстирается. Вещи хорошие, уйдут так, будто это свежие пирожки. Но свой схрон я точно никому не выдам. Даже вам. Время давать по съёбам.

На следующий день ко мне стучались полицейские. Спрашивали меня про эту парочку. Про ссоры. Про вызовы от соседей. Указали на кровавые капли, что уже высохли на ступенях. А я что?

Да ничего. Сказал, что не знаю в чём тут дело. Я же простой уборщик, ёптить.

«Фарш»

Какое же интересное слово. Токсо-плаз-моз. Токсоплаз-моз, ёптить! Паразитарное заболевание, способное вызывать изменения личности. В частности, его связывают с повышением склонности к риску. Мыши перестают бояться котов. Люди начинают чаще попадать в аварии. И всё благодаря маленькому паразитическому проказнику.

Подобные мысли не крутились в голове, что была облачена в мотоциклетный шлем. Там гулял лишь ветер. А жаль. – Крак! -

Мотоциклист не справился с управлением и попал под колёса массивного КАМАЗа. Обломки от байка разлетелись в стороны, словно это был набор китайского лего. Водителю тоже досталось. Тело его проехала по асфальту, оставляя за собой кровавые разводы.

– Чёрт. Это больно! – подумал про себя сонный сотрудник ДПС. Он отложил регистратор в сторону и ещё раз посмотрел по сторонам. Между аварией и выездом дорожной службы прошло жалких тридцать минут. Так куда же могла подеваться часть его туловища? Точно. Вы же ещё не в курсе. Нижняя часть тела мотоциклиста пропала. Испарилась. Не могла же она встать и уйти, в конце концов!

Патрульный понуро направился к машине скорой помощи. – Ладно, забирайте – мрачно произнёс он. – В отчёте

укажем, что остальную половину унесли дикие звери. Он ещё немного постоял, обдумывая ситуацию, а потом смачно высморкался. Точно, это сделали бродячие собаки – произнёс он самому себе. С довольным видом он пошёл в сторону служебной машины. Смеркалось. В такие моменты хочется съесть чего-то тёпленького и жирного. Наслаждаясь теплом, что разливается по пространству желудка.

У меня для вас есть хороший рецепт тефтелек. Нужно-то совсем немного. Лук, чеснок, томатный соус. И умений от вас никаких не требуется. Приготовить подливку и слепить десяток тефтелек под силу каждому. Совсем забыл. Самый главный ингредиент – фарш. Жирный, сочный, свежий. Из такого получаются самые сочные тефтельки.

От них ещё долго остаётся жир на тарелке. На сковородке. Вы съедаете полную тарелку, а потом хлебом зачищаете тарелку до блеска. Нет ничего лучше, чем сытные и горячие тефтельки. Главное купить хороший фарш.

С пакетом свежего фарша я шёл домой. Мне продал его мой друг. Раньше он не промышлял мясными полуфабрикатами, но тут на него что-то нашло. Сегодня он решил продать мне пакет ярко-красного фарша, да ещё и по сдельной цене. Жена будет довольна. Давно я не радовал её чем-то аппетитным. Чем-то необычным. Я же вам не сказал, да? Фарш был из сайгака. Обед сегодня будет славный. И незабываемый.

Жена удивилась моему приобретению. Ей с трудом верилось в то, что Володя достал качественное мясо. – Разве на

него можно положиться? – вопрошала она. Я лишь пожал плечами. – Ты пожарь, а там видно будет – только и ответил я. Ссориться с ней мне совершенно не хотелось.

Но уже на стадии готовки я понял, что что-то здесь не так. Запах от мяса шёл странный. Вроде и не тухлятина, но и животным совсем не пахло. Постарался не придавать этому значения. Списал всё на предрассудки жены. Стал ждать.

Пара кусков лишь укрепила наши сомнения. Тефтельки эти совсем в горло не лезли. Ладно запах. Но вкус. Словами его не описать. Жена нашла только один эпитет к этому фаршу. «Подозрительный». Встала, надела куртку и дала мне мою. – Пойдём – решительно заявила она. – Сходим к твоему приятелю и узнаем, откуда он взял мясо. Обед был испорчен. Да и день не задался. Пришлось одеться и идти в сторону дома Володи.

В его доме горел свет, а дверь была не закрыта. Постучался в окно, но не дождался ответа. – Пойдём – сказал я жене. И мы зашли в грязное помещение.

Володя методично крутил на мясорубке куски человеческой ноги. Под столом валялись обглоданные ступни. Он посмотрел в нашу сторону и сказал – Ребят? А я вот вам ещё фарш готовлю.

С тех самых пор в моих ушах так и стоит пронзительный крик моей жены. А при взгляде на мясо периодически проявляется едкий привкус блевотины.

«Случайные акты любви»

Эрегированный пенис тёрся об вульву. Мужчина уверенно водил им по розовым половым губам. Было понятно, что партнёры получают взаимное удовольствие. Об этом говорили их розовые щёки. Её набухшие соски. Его учащённое дыхание. О чём ещё можно мечтать в День святого Валентина? – Ах! – Не волнуйтесь – это крик страсти. Петтинг закончился. Член проник во влагалище.

Что вы знаете о любви? Что это вообще такое? Философы и поэты долгие годы бьются над этим вопросом. Но всё бесполезно. Любовь меняется, плавится, принимает новые формы. Кто-то входит в свою партнёршу на сухую и зовёт это любовью. Кто-то с радостью перекладывает доминантные функции на самку, наслаждаясь унижениями с её стороны. И тоже зовёт это любовью. – Ох! -

Мужчина кончил на землю. Капельки спермы маленьким дождиком пролились на шершавый асфальт. Девушка натягивала трусы, а он вытирал влажными салфетками свой пенис. Одну предложил ей. Любовь.

– Спасибо – сказал он, ущипнув девушку за щёку – и да, с праздником тебя. Он подмигнул и начал удаляться в сторону дороги. После свершённого полового акта уже не было смысла оставаться в этой замызганной подворотне. Ему ещё нужно было купить что-то своей жене в честь праздни-

ка. Может коробку конфет из супермаркета? Любовь.

Девушка ещё какое-то время смотрела на лужицу семенной жидкости и улыбалась. Она засунула руку в свой карман джинсов и прочитала что-то на белой бумажке с печатями. Видимо что-то важное для неё. Потому что её улыбка стала ещё шире.

Она достала свой телефон и в очередной раз зашла в приложение для знакомств. –Дзинь! – Пришло новое сообщение. Ей предстояло встретиться и с другими мужчинами. Каждому она хотела отдаться. На месте. На сырую. Сегодня ведь особенный день. Праздник Любви.

Учёные считают, что нет никакой любви. Всё это игра гормонов. Всплеск дофамина и окситоцина. Процесс направленный на размножение. Процесс распространения генов.

Эта парочка бы не согласилась с ними. –Ах-ах-ах! – Он брал её в туалете дешёвой закусочной. Она даже не старалась скрыть от других свои стоны. Просто получала удовольствие. Он держал её за бока и входил в неё сзади. Грубо. Быстро. Периодически смачивая пенис слюной.

– Я кончаю – произнёс пухлый мужчина – повернись. Он вытащил свой член и быстро развернул её туловище. Усадил на колени. Спустил в рот. Любовь.

– Мать моя – протянул он, вытирая пот со лба – как же это было хорошо. Девушка встала, вытирая пальцами уголки губ. Она и сейчас улыбалась своей загадочной улыбкой.

– Крошка, мне пора – он чмокнул её в губы; когда-то ви-

дел это в какой-то порнухе – спасибо за секс. Почесав в паху, он вышел из кабинки. Довольный. Удовлетворённый.

А девушка снова считывала что-то с бумажки. Её глаза излучали счастье. Казалось, что она получает удовольствие от каждого мгновения этого дня. Не будьте ханжами. Секс не только про размножение. Он ещё и про удовольствие. А она может быть святая. Какая девушка подарит своё тело одиноким мужчинам? Позволит входить в неё без резинки? Только альтруистичная. Не от мира сего.

Она вышла из кабинки и пошла в сторону выхода из этой забегаловки. – Дзинь! – Её уже ждал новый поклонник. Надо было поторопиться. В этот день многое нужно было успеть.

В одной из книг по психиатрии было указано, что и альтруизм может считаться расстройством. Но альтруизм выгоден людям. А потому легче объявить его чем-то сакральным, надеясь воспользоваться чужой добротой. Или глупостью.

В этот раз попался скорострел. И слюняй. Долго не мог решиться на секс без защиты. – На сырую, а это как? – вопрошал он, почёсывая свою лохматую голову. Девушка ничего не отвечала, она приступала сразу к делу, расстёгивая ширинку его брюк. Удивительно. Один минет и все страхи пропадают. С гормонами не поспоришь.

Он обкончал ей спину. Попав на её модный свитер. – П-п-прости – говорил он, убирая свой член в ширинку – я сейчас. Ему пришлось аккуратно протирать её одежду своим платком. Не хотелось портить первое свидание, которое бы-

ло способно перерасти во что-то большее. Так казалось ему. Это всё позывы любви.

А девушка продолжала улыбаться и посматривать на свою бумагу. Я понятия не имею, что там. Честное слово. Похоже на бланк анализов или типа того.

Под вечер её брали сразу двое. Возбуждение перекрыло все рациональные позывы их мозга. Им хотел присунуть. Да сделать это побыстрее. Они чередовались друг с другом. Один имел её в рот, а другой проникал в её вагину. И наоборот. Сперма смешивалась со слюной, влагалищные выделения перемешивались с потом. В воздухе расцветали запахи любви. Первый кончил быстро, его сперма попала на диван. Друга, что владел этим диваном, это расстроило, так что процесс его эякуляции запаздывал. Стресс. Стресс и секс несовместимы.

Но она старалась. Дала поиграть ему со своим клитором. Слизала капельки спермы с дивана. Он налился красным цветом. Его это возбуждало. Струя жидкой спермы брызнула ей на живот. Он нежно вытер её пузо тёплым полотенцем. Прошло время.

Мужчины ещё долго обсуждали этот вечер друг с другом. Это же надо – трахнули красотку на первом свидании. Бу-тербродом. Что это, если не любовь?

А девушка перед сном ещё раз посмотрела на белый бланк. Бланк, что был исписан каким-то показаниями. Я смог разобрать издалека только четыре буквы – ЗППП. Вам

это что-то говорит?

Лаборатория представляла собой сплав двух цветов. Белый врачебный халат. Красная человеческая кровь. Приятно видеть единство стиля и идеи. Деньги способны на многое. Вот почему некоторые коммерческие учреждения выглядят так, словно это воплощённая «Одиссея» Стенли Кубрика.

Узкий коридор освещался яркими лампами. Это место больше всего походило на Рай. Ну знаете, всё белое, стерильное, туда-сюда снуют какие-то люди в белом. Стремятся служить общей цели. Стараются воплотить в реальность мечту о победе над смертью.

Мужчины опечаленно восседали на кушетках. Ярко-красные ручки впитали в себя множество потных прикосновений. Кто-то потирал руки, кто-то хрустел шеей, один из них возбуждённо дёргал ногами. Здесь собрались все пятеро. Они ждали момента, что освободит их. Выпустит на волю.

Белая дверь выплюнула из своего чрева такого же белого человека. Венеролога. Он с довольным видом осмотрел всех сидящих, перелистывая их карточки. Сейчас он больше походил на циркового фокусника. Настолько уверенно ему давалось жонглирование бумагами.

Как по команде мужчины обратили свои взоры на него. Несколько тысяч лет тому назад группа людей так же смотрела на Мойше. Ждала от него сокровенных указаний. Свято верила каждому слову.

– Так что? – хором вскрикнули они – у кого-то прореза-

лись визгливые нотки в голосе. Врач ещё раз ухмыльнулся и обвёл их своими карими глазами. Облизал губы. И начал говорить:

– Уважаемые мои. Вот тут – он показал раскрытой ладонью на кипу карточек – ваши анализы. Я просмотрел их и понял одно. Вы все разные: возраст, вес, социальный статус. Но всех собравшихся объединяет одно – случайные акты любви.

«Месяки»

Своим указательным пальцем я неуверенно вёл по школьной доске. –Гык- С трудом сглотнул вязкие сгустки слюны, начинающей приносить мне дискомфорт. Нервозность. Стрессы.

Сегодня утром они вывели меня из квартиры и заставили чапать в сторону школы. Ощущал я себя паршиво. Мне совершенно не хотелось заходить на убогий сайт в интернете, трясущимися руками вбивая туда свои данные. Лучше уж так, по старинке.

В эти минуты моя голова налилась тяжёлым свинцом. Я ни о чём не мог думать. На ум приходило всего одно слово – пиздец. Стоял у доски и беззвучно его повторял. Снова и снова.

Выпускные экзамены были для меня переходным моментом. Разделительной линией. Из-за них я лишился сна. Много учился. Часто дробил. В последнее время мне начало казаться, что мой член превращается в труху.

Роль затворника мне была совсем не по душе. Ну а хули? Какие тут могут быть гулянки? На кону стоит учёба в медицинском. Карьера врача. Спасённые жизни. Глядишь, однажды вылечу и тебя. -Ох-

Опять тяжело вздохнул. В голову снова лезли яркие баннеры с порно сайта. Какие же там женщины... Порнушный

ресурс за это время стал моими вторым домом. Я глядел в учебники по химии, а потом в экран монитора. Учил биологию, а потом спускал на видео с очередной худощавой соской. Петтинг, домашнее, лесби. В порнухе я был эксперт. О чём это я?

Собрался с мыслями и снова начал искать свою фамилию. Что я тебе, чипиздрик какой-то?

В начале одиннадцатого класса дал себе обещание, что после экзаменов завалюсь на вписку своего приятеля. Парень он был что надо.

– Не парься, брательник. Я всех собираю – его немного трясло, будто она скакал на кочках. – Ко мне куча тёлок припрётся.

Кого-нибудь обязательно чпокнешь. Губами он издал слюнявый звук -чпок-. Ударяя своей ладонью по сжатому кулаку.

Не криви лицо. Я вовсе не изврат какой-нибудь. О чём ещё думать парню в восемнадцать лет? О разведении домашних цветов?

Мой палец дошёл до моей фамилии. На мгновение время остановилось. А потом -бац! – сердце начало колотиться как бешеное. Снова и снова я проводил пальцем по своей фамилии.

АХУЙ

Я. Да-да Я. Сдал экзамены на высший балл. Теперь вход в шарагу не проблема. Но всё это будет потом. Документы,

приёмная комиссия, прочая бумажная срань. Сейчас мне не до этого. Мысли о бухле и сексе захватили меня с новой силой.

Я шёл домой и представлял себе всевозможные позы, в которых я дрючу сладкую девочку. Моя фантазия разгулялась не на шутку. Дошло до того, что я чуть не спустил себе в штаны. Настолько силён был градус напряжения в моих трусах. Как там говорится – хуй стоит, башка не варит?

Со скоростью ракеты взлетел к себе домой. Забежал в комнату и начал поиски своих лучших шмоток. Сегодня я должен был быть в ударе. Если честно, то я и так хорош собой. Высокий, подкаченный, без прыщей. В школе мне часто подмигивали тёлки. Я ценил это.

Это всё экзамены поднасрали. Так бы я уже точно трахнулся пару раз. Освободился от гнёта всех этих похотливых мыслей. Хотя кого я обманываю? Секс – это такой же наркотик. Попробуешь и уже не захочешь останавливаться. Туда и сюда, туда и сюда. -Ух! -

Мне было нужно раздобыть денег. Отец сидел на кухне и «дрочил» свой смартфон. Понятия не имею, что он находит в этих роликах из Вацапа. Но они его смешили. Не дай бог стать таким.

Я уставился на него и стал ждать ответной реакции.

– Па? – осторожно начал я. Отец отвёл свой взгляд от телефона и посмотрел на меня.

– Макар, ну ты и красавчик – своей рукой он прикоснулся

к моему подбородку, вращая его во все стороны. – Побрился?

Да и приоделся вон как. Вылитый павлин – он хохотнул. Собрался куда-то? – он лукаво улыбнулся, подмигивая мне. Мне почему-то стало неловко.

– Па, я сдал экзамены на отлично – немного замешкался, а потом продолжил. – Сегодня у Юрки туса наикрутейшая. Собираюсь там побатониться. И мне типа это, деньги нужны – выпалил я, не смотря ему в глаза.

– Хых! – Папаня снова усмехнулся. – И в чём вопрос, сына? На, держи – в карман моих джинсов залетела пятёрка. Рот мой непроизвольно открылся. Я был в тотальном

АХУЕ

Мой папка редко проявлял такие акты родительской любви. А тут он ещё и целую речь зачитал передо мной. – Всё нормально, ты молодец – его волосатая рука встормошила мои волосы.

– Хорошенько повесились там, заслужил – его лицо на секунду приняло задумчивый вид. – Только ты это, с птенчиком своим поосторожнее, лады? А то мало ли, подцепишь ещё чего.

Мозг мой уже не работал. Мысленно я был уже в объятиях девушек. Под нехуёвым таким градусом. Уж не папке рассказывать мне про еблю. Он же отстал от жизни лет на пятьдесят.

И какой ещё, блядь, птенчик? Если у меня будут дети, то

я им такой бред точно говорить не стану.

Мило улыбнулся папке во весь рот и выпалил очередью – всё круто, па. Чмокнул его в щёку. И не дожидаясь его реакции резво зашагал в сторону прихожей. Вспомнился мемас из интернета – «иду ебать». – Так точно – отсалютовал я.

На тусе я уверенно сосал пивас из бутылки. Начать решил с лёгкого. Да и как-то не торкнуло меня всё это.

Так подумал, что лучше дождаться нужного момента. А на пьяную никакого кайфа не получить. Ещё и не встанет. Или кончить не смогу. И в чём тогда смысл?

Громко играла музыка. Потные тела танцевали в середине комнаты под какую-то попсу. Диваны были придвинуты к самым стенам, освобождая место для любителей подрываться. С самого начала я заметил одну девчущку.

Брюнетка, в обтягивающих джинсах, в красных Vans'ах. Она мне показалась очень сексуальной. Но при этом в ней было что-то скромное. В голову прилетела мысль, которая казалась чуждой в этом месте – а уж не целка ли она? В задумчивости я тёр свой гладкий подбородок и размеренными глотками сосал пиво.

Девушка держалась в стороне от движухи. Казалось, что она смущается. Но это не мешало ей давать по газам. Она выхлестала несколько шотов, пытаясь найти дополнительную порцию бухлишка. Градус влёк её. Это был мой шанс.

Подсел к ней, сразу её приобняв. Решил говорить всё как есть. – Ты сасная – сказал я ей на ухо. Музыка орала что есть

мочи. Но на пути к её трусам меня ничто не остановит.

Я дал ей хлебнуть из бутылки водки, что запасливо оказалась в моих объятиях. Её симпатичное личико покраснело ещё больше. Начал гладить её колени, чувствуя движ в штанах.

Она отпила ещё водки, и я понял, что пора. Взял её за руку и повёл за собой. В спальню. Не думаю, что нас скоро хватятся.

Да и кому какое дело? Мне хотелось засадить. Верно говорят – хуй стоит, башка не варит.

Толкнул её на кровать и начал лапать её сиськи. Под чёрной майкой они смотрелись аппетитно. Нужно скорее приступить. А то так можно и в штаны кончить, даже не успев достать.

Встал, чтобы стянуть с неё кроссовки и джинсы. Положил их рядом. Мы же не в порнухе, чтоб по комнате их разбрасывать.

Времени мало, нужно было использовать его с умом. Она сидела на краю кровати и смотрела на меня. Голова её находилась на уровне моего живота.

Расстегнул ширинку и дал ей немного пососать. У неё это выходило не очень-то умело. Но мне было хорошо. А большего и не требовалось. Оттолкнул её на кровать и начал стягивать свои штанишки. Поскользнулся и ёбнулся.

ЕБЛЫСЬ

В ушах немного зазвенело. Оказалось, что под меня что-

то натекло. Я вроде ничего и не проливал. Пиздец какой-то. – Ты в порядке? – голос девушки задрожал. Стало понятно, что я ей не безразличен. – Да, всё норм – я залез на неё сверху. В темноте было видно не так много, но фантазия работала на отлично. Её очертания превращались в сонм девичьих тел, увиденных мной на порно сайтах.

Начал сосаться с ней. На губах почувствовался солёный привкус. С её глаз текло, с носа тоже. Она рыдает? – Всё нормик? – только и протягиваю я. – Д-да. Да, нормально – натужно скребёт мою душу словами она. Ну и хули?

Решаю сделать ей куни. Может у неё это и правда первый раз? Мне же лучше, распакую девочку. Стягиваю с неё трусики и начинаю покусывать её клитор. Восьмёркой проходясь по её половым губам. Как же она намокла, ты даже не представляешь.

Но странный вкус снова проявляется на моём языке. Что это – кровь? Меня что-то начинает мутить, желание трахать-ся пропадает.

Вскакиваю с неё и несусь к выключателю. – Чик-ЕБАНЁШЬСЯ

На её лице блестят кровавые потёки, вагина тоже кровоточит. Она смущённо прикрывается простынёй.

Смотрю под ноги и вижу размазанные по полу красные узоры. Там, где я упал. В ужасе смотрю на своё отражение в зеркале.

Пиздос! Я похож на озабоченного вампира. Стою тут в

трусах, размазывая по лицу вагинальные выделения.

– Прости, у меня эти дни – смущённо говорит она. – Месячки? – вскрикиваю я. – У тебя месячные, а ты молчала? – мне становится всё равно на остальную часть истории. В этот момент я забываю про кровь на её лице, про подтёки под её глазами. Она же вся, блядь, в крови.

Хватаю свою одежду и даю по съёбам. Сердце хуярит в груди. Нарастает лавина отвращения. У подъезда сблёвываю, так и не приходя в себя. Начинаю двигаться в сторону дома.

Наступил новый день. Приятель мой оказался в курсе этой истории, как и остальные ребята с вечеринки. Мне было плевать на их шутки. И на их подьёбы. Злость ушла и на её место пришла жалость к этой милой девчонке. Сквозь струю иронии таки выпросил у друга её телефон. Набрал.

– Привет. Это я, Макар. Вчера с тобой – кхм. Я не нашёл, что сказать. – Как ты? Всё нормально? Вчера у тебя ото всюду текла кровь. Я испугался и убежал. Прости – мне было очень неловко, но поделать я ничего не мог, говорил по существу.

– Как это мило, ты всё-таки позвонил – с её стороны слышались звуки умиления. Всё хорошо, оказалось, что это была викарная менструация. Такая штука, когда кровь не только оттуда идёт. А так – всё ок типа.

На несколько секунд мы замолчали.

– А знаешь – начала она – у меня сегодня родаков нет дома. Приходи ко мне, попиралим немного. Если тебя такое

не смущает. Только на этот раз без язычка. И да – захвати резинку.

Сначала я смутился. Секс во время месячных. Но потом согласился на все сто. Как там говорится – хуй стоит, башка не варит?